

В. С. ВОРОНИН

Абсурд и фантазия в этнокультурном взаимодействии в ранних рассказах М. Горького*

Как заметил проницательный Джон Голсуорси, «живучесть прошлого — одно из тех трагикомических благ, которое отрицает каждый век, когда он выходит на арену и с безграничной самонадеянностью претендует на полную новизну»¹. Архаическое проклятие разделения на своих и чужих, на «мы» и «они» преследует человека с седой древности до наших дней. Оформление самостоятельности собственного этнического комплекса зачастую связано с тем, от которого он собирается отделиться. Связано по противоположности. Некоторые процессы в современных прибалтийских странах, в западной Украине, да и частично в России иллюстрируют это с наглядной очевидностью. Согласно беспощадной двузначной логике, последовательный антисоветизм вырождается не в либерализм, а в фашизм. Следуя в основном Б. Ф. Поршневу, можно выделить следующие законы фантазии, действующие в художественном мире литературы и искусства: а) сращивание признаков различных объектов; б) умножение и разделение объектов; в) установление реально не существующей связи между объектами; г) превращение части в целое, признака в объект и обратно, обращение целого в часть, распад объекта на группу составляющих признаков; д) возникновение и исчезновение объектов². В абсурде выделим лишь четыре типа, исходя из того, что абсурд есть не что иное, как нарушение законов логики: нетождественность, противоречивость, наличие исключённого третьего, отсутствие достаточных оснований.

---

* Впервые: Горьковские чтения — 2010. Н. Новгород, 2012. С. 141–149.

¹ Голсуорси Дж. Собр. соч.: в 16 т. М.: Правда, 1962. Т. 1. С. 34.

² Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979 С. 207; Воронин В. С. Законы фантазии и абсурда в художественном тексте. Волгоград: Изд-во Вол ГУ, 1999. С. 67.

Образ Старшего Брата, закреплённый в массовом сознании романом Дж. Оруэлла «1984», в России, по отношению к русским, как это видно из ранних рассказов М. Горького, сложился уже давно. Начать можно со «Старухи Изергиль», где рассказчик, не пошедший ночью на берег моря, чтобы отдохнуть и веселиться, вызывает такой упрёк старухи: «У!.. стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Боятся тебя наши девушки... А ведь ты молодой и сильный»³ [I, с. 77]. Мы видим обязательную противоречивость в этом портрете (старость и молодость), нетождественность сравнения (люди как сверхъестественные существа). Заметим, что Изергиль сталкивается с русскими не впервые, и уже, как мы узнаем из её рассказа, благополучно отправила на тот свет одного из них — часового, охранявшего амбар, в котором сидели пленные поляки и один из очередных её возлюбленных — Аркадэк, «подлый чёрт», презиравший её и смеявшийся над ней. Да и поляков не сказать, чтобы она особенно жаловала: «В Польше стало трудно мне. Там живут холодные и лживые люди. Я не знала их змеиного языка» [I, с. 86]. У Пушкина «жало мудрых змеи» в его «Пророке» имеет семантику истинности, здесь — лживости. Но ведь лживый змеиный язык и у самой Изергиль, мученице непостоянных чувств. Приблизившись к часовому, назвавшись матерью арестованного, сыграв на жалости, он «свалила солдата на землю <...> и придавила его голову в лужу, чтобы он не кричал» [I, с. 89]. И что же было целью этого убийства? Только что освобождённый был дорогой возлюбленный, почти сын! Только что изменили свою характеристику «догадливые эти поляки», не переставшие петь в тюрьме. Но вот Аркадэк стал на колени, назвал её королевой. На это признание последовал вывод: «Вот какая лживая собака была это! Ну, тогда я дала ему пинка ногой и ударила бы его в лицо, да он отшатнулся и вскочил». А наказание за убийство было сущим пустяком: «А на другой день взяли меня ваши, но скоро отпустили» [I, с. 90]. Изергиль совершила убийство часового, освободила пленных, и странным образом была пощажена «мрачными демонами», а цена рядового русского человека была ничтожной как в царской России, как в Советском Союзе, так и в наши дни.

Таким образом, дитя природы, старуха Изергиль, охотно следует в характеристике окружающих её людей уравнению противоположностей, вплоть до той степени, что за ласковыми словами своего спасённого возлюбленного видит ложь и оскорбление. Плохо ли, хорошо ли она поступает, она не знает и не чувствует ни малейших укоров совести.

³ Здесь и далее ссылки даются по изд.: *Горький М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1949–1956, — с указанием тома и страниц в скобках.

Так уж получается с рассказами Горького, что, написанные давным-давно, они вновь и вновь проецируются на нашу современность. Это не мы их читаем, а они нас. В рассказе «Мой спутник» среди шума и суеты портового города появляется беспечный человек с «плотной фигурой и лицом восточного типа». Он хорошо одет, и вполне автобиографичному рассказчику в костюме босяка трудно представить, что франт, вызывающий у него любопытство, попросту голоден. Но это оказывается именно так. Грузин, князь Шакро Птадзе, жалуется рассказчику на несправедливость всего мира, а особенно на приятеля, укравшего у него ценные вещи и деньги. Сам же князь не ворует, а попросту берёт чужой паспорт и отправляется с ним догонять приятеля. Рассказчик, накормивший грузина, предлагает князю обратиться к законной власти — к полиции, чтобы та разыскала вора. Но, увы, несчастный грузин жил в номерах в стиле Хлестакова, денег не платил, «а когда с него потребовали денег, он ударил кого-то <...> он и не твёрдо помнит — один удар или два, три или четыре нанёс он» [I, с. 125]. И что же? Элементарный вывод, отсюда следующий, что этого князя с плохой памятью следует опасаться, не был усвоен Максимом. А напрасно. По пути князь едва не утопит своего спутника, обворует его, вытащит пять рублей у своего товарища, продемонстрирует все черты своей эгоистической и неразумной натуры, но в голову доброму пастырю крепко втемяшилась мысль о перевоспитании проходимца.

Он решает помочь «очаровательному грузину» (именно так В. И. Ленин именовал И. В. Сталина) и заработать деньги «для него на проезд до Батума», но вмешались некоторые препятствия: «проголодавшийся Шакро ел за троих и больше», а сам работать, разумеется, не желал. Поэтому в Батум они отправились пешком. По пути Шакро рассказывает ему о гордом князе, отрубившем голову крестьянину за то, что тот обогнал князя на белой лошади. Белая лошадь тоже немедленно нашла свой конец. Поступок князя отвратителен, а Шакро восхищён князем, которого ссылают на каторгу, и жалеет его. Напрасно Максим пытается убедить его, что «жалеть тут нечего», но у Шакро своя логика: «...князей мало, крестьян много». Какие знакомые интонации! Вечное оправдание элиты, предающей свой народ: «Что такое крестьянин? Вот! — Шакро показывает мне комок земли. — А князь — как звезда!» [I, с. 126]. Рассказы Шакро бесят рассказчика «своей жестокостью, поклонением богатству и грубой силе», он пытается переубедить спутника, но не получается. Шакро совершенно убеждён, что на Кавказе ценят только силу, а то, что Максим просто так кормит его, не бранит за воровство (знакомая история, правда?) он приписывает бараньей глупости своего спутника. Терпение поводыря безгранично,

но он пытается найти ответ на вопрос, есть ли предел «захвата чужой личности» у его подопечного всё более и более воображающего себя хозяином. И оказывается, предела нет: «После каждого возвращения к нему я всё больше и ниже падал в его мнению, и он не умел скрывать этого от меня» [I, с. 131]. Он с искренней наивностью продолжает считать, что обязан довести своего вора и плута до родных мест. Рискуя жизнью, он спасает Шакро во время шторма, выкидывает на дорогу украденную князем кисею и, развесив уши, слушает его цветные рассказы. Путь близится к концу, грузинский князь обещает щедро вознаградить своего поводыря, кормильца и спасителя: «Скажу отцу про тэбэ... Вот человек, — был минэ как Старший брат... Учил мэнэ. Бил мэнэ, собака! Кормил. Тэпэрь, скажу, корми ты его за это» [I, с. 152]. Разумеется, обещанья приюта и пристанища были враньём, но таким очаровательным враньём.

Отметим, что писатель-реалист не считает нужным рисовать своего спутника в резко отрицательных красках. У него есть характер, определённая воля, настойчивость. Он человек-стихия, дикарь. Потрясающе пляшет. Он слишком юн по степени развитости своего сознания, и рассказчик не особенно придирается к нему. На подсознательном уровне Шакро догадывается, что ведёт себя плохо по отношению к своему спутнику. Временами и у Максима вспыхивает ненависть к севшему ему на шею товарищу, но потом, несмотря на все тяготы и опасности пути, вспоминает о своём подопечном с «добрым чувством и веселым смехом». Он ничему не научил своего спутника, но зато сам прекрасно усвоил то, «чего не найдёшь в толстых фолиантах, написанных мудрецами, — ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнее мудрости людей» [III, с. 152].

Но, конечно, из рассказа следуют и некоторые другие выводы. Поднять до себя, просветить этот столь древний и столь же юный этнос столь недалеко ушедший от биологического начала человека, невозможно. Трогаться с ним вместе в путь нужно крайне осторожно. При подходящей кризисной ситуации всегда предаст, всегда ударит ножом в спину, этому «младшему брату» нельзя ни в чём доверять. И танец плута Шакро, человека-стихии, так восхитивший Максима, сейчас же затемняется тем, что в полиции, куда они могли попасть, Шакро собирался сказать, что его спаситель собирался его утопить. Это своего рода уравнение противоположностей. Что касается Горького, то он, видимо, хорошо запомнил своего верного спутника и так и не смог написать заказанную ему книгу о путеводителе народов товарище Сталине.

Впрочем, грузины у Горького разные. В рассказе «Месть» с подзаголовком «Параллели» действительную месть осуществляет лишь

Максим Буадзе, отомстивший убийце своего сына. Перед этим Максим ставит вопрос об ответственности Господа, который видел убийство его сына: «Ты видел всё это и не мешал никому! Не мешай же и теперь мне, господи!» [I, с. 203]. Он слышит, как скачет убийца, и читает, «соразмеряя слова молитвы с топотом ног коня...» [I, с. 205]. Месть осуществлена без участия оружия. Испуганный вскриком старика, оступается конь и летит в пропасть вместе с наездником. Старик благодарит Бога за то, что расправился с врагом, не прикоснувшись к оружию. Но вот что интересно. В сознании старика уравниваются образы убийцы и сына: «Дикая радость давила ему сердце, хотелось закричать, броситься на него и кусать, рвать, мучить этого красавца, любимца женщин, такого смелого, гордого, сильного. Ваню был такой же, как он» [I, с. 205]. Додумать чуть дальше Максиму Буадзе не дано. Осуществив свою месть, он, убив двойника сына, оказался на одном уровне с убийцей.

А вот лодочник попросту шантажирует барина, и тот избавляется от смерти, оплатив бесчестие дочери лодочника, которую он соблазнил. И тут вдруг оказывается, что лодочник просто шутил, убийство для него «дело большое: не наших рук дело». А то, что дочка пошла по скользкой стёжке, это бывшее горем в начале шантажа, это почти счастье теперь в контексте шутки: «А что ты ей попользовался, так разве кому от этого горе? Вот уж! Я, брат, сам их сестре спуску не давал» [I, с. 211–213]. Опять обращает на себя внимание такая странность, как уравнивание лодочника и барина, судьи и подсудимого, но если барин воспользовался телом дочери, то лодочник завершил порчу её души. Отскочив подальше от берега, спасённый барин называет его убийцей. Т. о. в лодочнике переплетаются все ипостаси уголовного дела: сыщик, следователь, палач, судья, адвокат и преступник вместе.

Наконец третья месть — эпистолярная исповедь нового Печорина, который устроил так, чтобы девушка, доставившая ему множество страданий, поверила в его любовь, готовая отдаться приникла к нему, он засмеялся и объявил, что не хочет. Эта любовная месть и радость от неё дополняется тем, что герой теперь обладает «парой малюсеньких, милых, толстомордых бульдогов» [I, с. 216].

В рассказе «На соли» социальное взаимодействие чужака-одиночки и группы людей, связанных грубой и тяжкой работой, оказывается главным, но и этническое противопоставление пришлого «кацапа» Максима геркулесу-хохлу тоже проявляется сразу и оказывается какой-то подосновой, непреобразуемым началом. Новичок пришел в очках, он слишком не похож на них, вызывает насмешку: «А ты, кацапе, мабудь вареники исти до соли прийшов?» [I, с. 192]. А «синий Матвей» без всяких оснований заявляет, что те, кого зовут Максимом,

у них в первый день не обедают. Поэтому отец Максима, давший ему такое имя, — дурак. Затем вроде бы следует примирение, но это лишь маскировка, позволяющая усыпить бдительность Максима и устроить так, чтобы новоприбывший «содрал с ладоней обеих рук кожу, защемлённую в ручках тачки» [I, с. 197]. Взрыв ярости со стороны жертвы, его призыв к их совести трогает души рабочих. Они собирают деньги, объясняют свою жестокость каторжной работой и просят Максима уйти с миром. Однако этническая составляющая вражды остаётся непреодолённой. Как говорит в финале хохол: «Коли б кто другой, а не ты это был, так я бы проводил его кулаком в боки. Чуешь? А ты вот идёшь себе свободно, да ещё и гроши на дорогу мы тебе давали. Говори спасибо за то нам!» [I, с. 200]. Иначе говоря, мы поиздевались над тобой и заплатили тебе за это, ты звал нас к добру, но нам не по пути с тобой. Пострадавший чувствует тот невыносимый стыд, который должны бы почувствовать его гонители, за всё случившееся с ним, как будто сам виновен в неустойчиве всего мира.

В «Каине и Артёме» Горький рисует огромный потенциал возможностей духовного преображения людей, возникший из-за случайного схождения противоположных характеров. Это слабый, трусливый и деятельный еврей, прозванным Каином, и сильный, смелый бездельник Артём. О первом автор заметит: «Имя еврея было Хаим, но его звали Каин». Подобрано оно по принципу неподходящности: «Хотя оно и не шло к маленькой слабосильной фигурке, но всем казалось, что оно вполне точно рисует тело и душу еврея, в то же время обижая его» [IV, с. 78]. Именем убийцы называют убиваемого.

Артём — великолепный образец мужской красоты — зарабатывает себе на пропитание, оказывая любовные услуги женщинам, возбуждая зависть и ненависть мужчин. После того как Артём был жестоко избит, спасителем его выступил Каин. Решение силача — заступаться за Каина — вызывает удивление среди обитателей Шихана и даже у самого Каина, который сразу же осознаёт непосильность задачи, выбранной Артёмом: «Как вы заступитесь за меня пред лицом бога моего? Это он гонит меня» [IV, с. 102]. Т. о. маленький трусливый еврей претендует на роль богоборца, а смелый Артём здесь пасует. И лишь на время способен он защитить Каина от других обитателей грязной улицы. Роль постоянного защитника не по плечу Артёму не из-за этнического или религиозного презрения. Болезнь обострила чувства и мысли медленно соображающего здоровяка, привела его к выводу, что «мы все — жида перед господом» [IV, с. 108], но жалость, которая мешает полноте озлобления против всех людей, представляется ему ненужной особенно в тот момент, когда он решил отомстить своим обидчикам.

«Мой спутник» и «Каин и Артём» дают противоположные модели этнокультурного взаимодействия, два образа «старшего брата». Максим первого рассказа воистину служит своему младшему братцу, всегда готовому обмануть и предать его, и доставляет его по месту назначения, получив для себя несколько ценных уроков. Ведущий герой второго рассказа оказывается неспособным защитить человека, так или иначе спасшего ему жизнь. Отметим, что во втором случае взаимодействие двух изгоев протекает интенсивнее на внутреннем уровне, каждый из них получает в самом себе проекции другого. Каину нужно было иметь определённое бесстрашие, чтобы не побояться помочь избитому Артёму, испытывающему поначалу прилив страха при виде трясущейся фигуры уличного торговца. При расставании же Артём особенно ясно выразит мысль, что за лечение и уход готов заплатить сколько требуется.

